

Irve Kamre

Оригами для ласточки

ТЫ ГДЕ?

21:07

ЕСЛИ НЕ ХОЧЕШЬ-
НЕ ОТВЕЧАЙ

21:08

ПРОСТО ЗНАЙ,
Я РЯДОМ

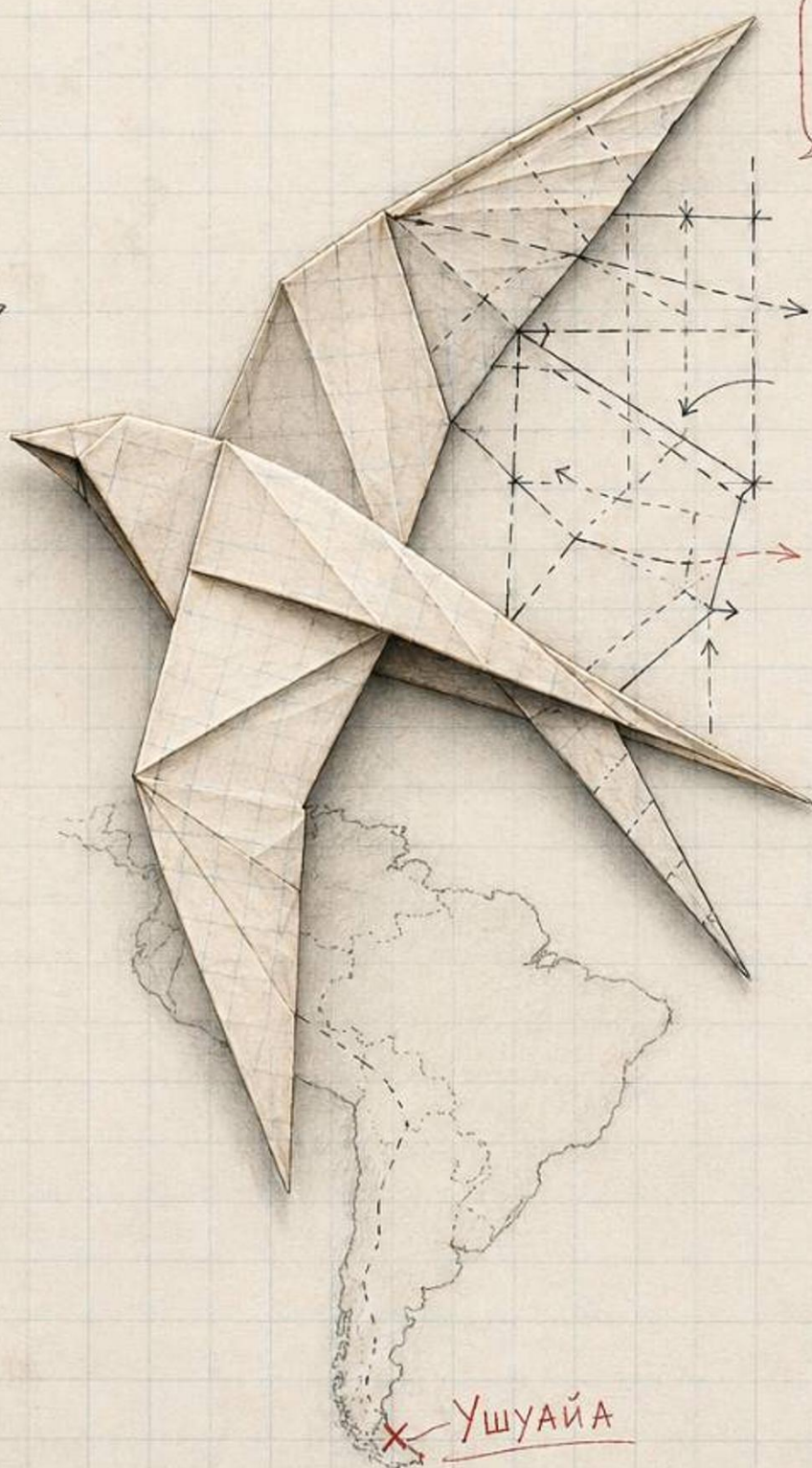
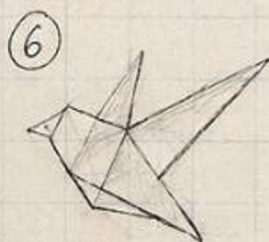
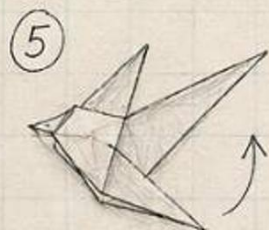
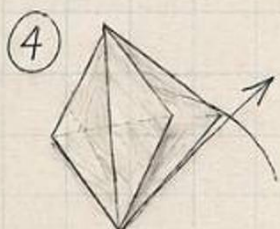
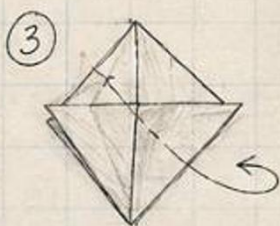
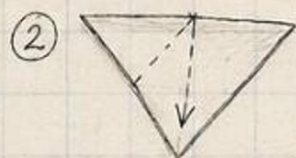
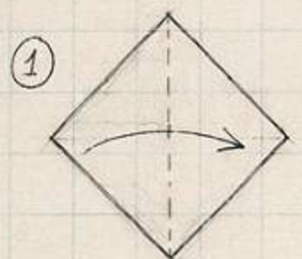
21:09

Я РЯДОМ.

21:14

23:47

ЛЮ... ТЯ...

УШУАЙА

18+

современная психологическая проза

Irve Kamre

Оригами для ласточки

«Автор»

2026

Kamre I.

Оригами для ласточки / I. Kamre — «Автор», 2026

После смерти матери Алекс учится жить осторожно: считать, запоминать, не ошибаться, не ломать порядок. Но однажды в деревне он встречает Майку — девочку, которая легко входит в чужой мир и сразу начинает его менять. От разбитого ласточкиного гнезда остаётся маленький кубик. От случайной встречи — письма, анкеты, сообщения, тетради и чувство, которое с каждым годом становится сильнее, опаснее и необходимее. «Форма: кубик» — первая часть романа «Оригами для ласточки». Это психологическая драма о взрослении, первой любви, памяти и попытке удержать человека, которого невозможно сложить по инструкции.

© Kamre I., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Форма: «кубик»	5
Наметка	9
Изгиб первый	17
Изгиб второй	22
Изгиб третий	25
Переворот	29
Изгиб четвёртый	33
Сдвиг	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Irve Kamre

Оригами для ласточки

Форма: «кубик»

— Аля, тебе нравится это платье?

Майка стояла напротив меня в зеркале примерочной, держась за подол, и чуть раскачивалась из стороны в сторону. На платье всё ещё болталась этикетка.

— Мне кажется, оно коротковато, — прошептал я.

— Аля, не бузи. Оно классное. Как раз под эти лосины.

Смотрел на неё: нелепые кеды, бусинки в шнурках, жёлтые лосины, платье с биркой. Она натянула свою смешную улыбку. Очки с камерой сидели криво, почти на переносице. Платок на шее съехал набок. Наш общий с ней секрет.

— Аля, — прошептала она. — Ну же. Не будь такой брюзгой.

— Я не пойду с ним на кассу.

— Тогда просто пойдём.

— Ты что сейчас предлагаешь?

— Предлагаю просто пойти, — ответила Майка и прищурилась.

Отодвинул штору примерочной. Рядом никого не было.

— Мы запишим.

— Не запишим. Тут нет ничего. Посмотри.

Проверил подол. Воротник. Боковой шов. И правда — никаких магнитов.

Мы вышли из примерочной и двинулись мимо рядов с одеждой. Сначала медленно, затем чуть быстрее. Подол задевал кожу при каждом шаге. Сползающие очки поправил двумя пальцами.

— Аля, расслабься, — сказала Майка.

— Они смотрят на меня.

— Они смотрят на меня, дубина.

Она рассмеялась. Чуть было не подхватил этот смех, но у входа разъехались автоматические двери, и в стекле на секунду мелькнуло её отражение. Отвернулся слишком быстро.

В холле бил белый свет, от кондиционеров тянуло прохладой. Шёл, не разбирая дороги, всё ещё ожидая писка за спиной или чужой руки на плече. Сделал шаг в сторону — и кед провалился в воду. Низкий бортик декоративного бассейна оказался прямо у выхода. Вода сразу прошла сквозь ткань. Пальцы свело холодом.

— Ну вот, — сказала Майка мне в ухо. — Опять.

Замер.

Мокрый носок прилип к ступне. Вода пахла хлоркой и металлом монет. А под ногой уже была тина, песок и мелкая речная галька. Сейчас она поднимет платье, ползет в воду за рыбой и скажет, даже не оборачиваясь:

— Не стой столбом. Держи сетку.

Поднял голову. На стене висели огромные часы-карта: прожектор медленно вёл свет по континентам, отделяя день от ночи. Я прикрыл глаза.

Память — огромный циферблат. Двигаюсь по нему, словно стрелка.

Помню старые деревянные часы ромбовидной формы. Мама заводила их раз в неделю специальным ключом, который прятала в серванте. Для меня он был ключом от самого времени.

И теперь, вспоминая себя маленьким, снова возвращаюсь к этому циферблату.

Вот играю под столом у ног отца. Встаю и неловко ударяюсь головой. Наверное, было больно или страшно, но папа тут же подхватывает на руки, а мама смеётся и плачет. Потом хлопают в ладоши, манят к себе, и, счастливый, делаю первые шаги им навстречу.

Сейчас уже не помню, как улыбалась мама, но помню её тепло. Вкус. Как приятно щекотала и называла «зубастиком», когда первые острые зубки впивались в грудь при кормлении.

А папа был просто высоким. Крепко обхватывал его ногу, и он так шагал по квартире.

Садик начался с другого циферблата. По утрам тянулся к маме, а по вечерам она разворачивала меня спиной к себе, крепко прижимала, и я чувствовал, как стучит её сердце. Согретый её дыханием, смотрел на светящиеся в темноте стрелки и ждал, когда они сойдутся, чтобы наконец-то заснуть.

Однажды, исследуя кусты во дворе, почувствовал резкий кислый запах. Чужой и противный. Там лежала кошка. Вздутая. Неподвижная. Хотел помочь ей проснуться, но вдруг заметил, как из приоткрытой пасти выбрался червь. Затем ещё один. И только тогда понял: они повсюду.

Закричал.

— Не смотри! — раздался голос мамы.

Она оказалась рядом в ту же секунду.

— Почему это? — всхлипнул в ответ. — Ей больно?

— Ей уже не больно, Алекс.

Поспешно отвела в сторону. Смотрел на неё не моргая, но перед глазами всё ещё стоял тот бесформенный комочек шерсти. Мама наклонилась и тихо сказала:

— Закрой глазки. Посчитай, как мы учили.

И считал, крепко прижавшись к её бедру. Стало так спокойно, что даже не обращал внимания, как жёстко царапают мои уши мамины кольца.

В детстве часто сидел у окна, выходявшего на широкий проспект. Была толстая тетрадь, вся исписанная кривыми графиками и таблицами. Записывал время, смотрел на термометр, отмечал, солнечно сегодня или пасмурно, какая температура и влажность. Тогда даже толком не понимал, что это значит. Думалось: если сто процентов, значит, воздух уже почти весь заполнен водой.

Отмечал, сколько машин стоит на стоянке, какой номер у проехавшего троллейбуса, сверяясь с часами.

Помню тот день, когда отвлёкся и сделал неверную запись. Попытался стереть, но ластик ручку не брал. На проспекте кто-то побежал. Машина дёрнулась в сторону — бум, удар, крик, и все мои ровные записи стали неправильными.

Мама стояла рядом. Схватила меня за плечи и прижала к себе. Сказала только:

— Не смотри.

А испуга не было. Помню лишь запах ванили от её платья.

Наверное, она была красивой, всегда нарядной. Часто сидела перед зеркалом, укладывала волосы, а я подходил сзади и разделял пальцами пряди, склеенные лаком. Она вечно сердилась:

— Не порти. Отойди.

А я отвечал:

— Хочу, чтобы у тебя было настоящее.

Тогда за окном случилась авария, и мама сказала, что погиб человек. Спросил:

— Почему?

Она ответила:

— Кто-то не дождался зелёного света и пошёл по зебре на красный.

Крепко зажмурился. Представлялось, если сомкнуть веки изо всех сил, всё исчезнет и отмотается обратно. Может быть, ошибся? Что-то не так записал? Не то отметил?

Но ничего не отмоталось. Не изменилось.

После этого я понял неправильно: если ошибиться, случится беда. Если вещь падала на стол или на пол, поднять её следовало обязательно левой рукой. Если в голову лезло дурное — зажмуриться и сосчитать в обратную сторону от десяти. Если прощаться, то правильно: «до свидания», «хорошего дня» — чтобы фраза непременно заканчивалась на мягкий, добрый звук. Иначе что-нибудь сдвинется, собьётся, стрясётся.

Не мог заснуть, если не сказал родителям «спокойной ночи».

Однажды вечером прогнали от телевизора. Хлопнул дверью, и со стены упал календарь. Возможно, поднял его не той рукой — правой. И маме не пожелал добрых снов.

Утром ушёл в школу.

А когда вернулся, меня забрала тётя Марта.

Потом сказали, что мама не вернётся домой.

У тётки Марты прожил долго. Она забирала нас с кузиной Анькой после уроков.

В их доме всё было иначе. Непонятно, куда класть вещи. Те, что позже привезли из нашей квартиры, оказались не всеми, и подбирать цвета так, как любил, больше не получалось.

Скучал по родителям. На расспросы о том, когда вернусь домой, тётя Марта отвечала лишь:

— Скоро.

И приходилось ждать.

Тётя Марта была хорошей, гладила по голове, но не так, как мама. Она была полной и не такой уютной. Когда целовала, всегда старался незаметно вытереть щёку. Было неприятно.

Анька почти не выходила из комнаты. В школе сторонилась меня. Скорее всего, из-за возраста. Старшие с мелкими не дружат. Она постоянно переключала телевизор на свои дурацкие передачи.

Всё чаще читал. Мама научила этому в четыре года, и я глотал книги одну за другой. В семь лет она купила годовой абонемент в большую библиотеку. Такого ни у кого не было. Стали доступны издания, которые разрешали открывать только в читальном зале под присмотром строгой тётки.

А потом мы вернулись домой.

Тётя Марта остановила у порога и тихо, почти на цыпочках, подошла к комнате родителей. Открыла дверь.

Там был отец.

Это выглядело странно: мамины вещи оказались собраны в кучу на кровати, а он лежал лицом прямо на них. Испугался. Он казался пьяным. Никогда не видел папу таким.

Сразу начал искать глазами маму. Но её не было.

Отец почти не разговаривал. И почему-то больше никогда не ругал. Не проверял уроки, не напоминал, что пора спать. Позволял смотреть телевизор допоздна или читать в постели сколько угодно.

Мама всегда показывала, как и что делать. Терпеливо ждала результата, затем хвалила — даже если выходило скверно, даже если получалось какое-то неловкое «нечто».

А папа просто объяснял. Говорил так, будто читал инструкцию. Поэтому спрашивал всё реже.

У окна больше не сидел. Это место занял отец. По вечерам он устраивался у широкого подоконника и раскладывал пасьянс — в столбики, в стопки. Иногда надолго замирал, и тогда приходилось заваривать ему чай, как он любил. Когда на улице темнело, становилось жутко. Пугали тёмные стёкла. А папа, наоборот, предпочитал не зашторивать окна — ему нравилось смотреть на огни.

Летом с тёткой Мартой и кузиной поехали куда-то далеко на поезде. Отец остался дома. Дорога, казалось, длилась вечность. Когда за окном появились горы, закружилась голова, а

Аньку стошнило прямо на перроне — напротив скалистых вершин, увиденных мною впервые. Тётя Марта сказала, что так бывает с непривычки, хотя сама тоже тяжело дышала. Может быть, из-за того, что воздух пах как новогодняя коробочка конфет, только без мандаринов.

А ещё помню девочку из соседнего купе. Она ела виноград и сплёвывала косточки на ковёр в коридоре. Но взрослые ругали меня.

В тот вечер быстро уснул на нижней полке под стук колёс. Но проснулся оттого, что во сне звал маму. Открыв глаза, увидел печальное лицо тёти Марты и испуганную Аньку. Оказалось, во сне вцепился в кузину и обшлюнявил локоть. Ждал, что будут ругать, но Анька впервые в жизни обняла и крепко прижала к себе. Она была худенькой, как мама. Только ещё тоньше. Не слышал — чувствовал, как сильно бьётся её сердце. Стало спокойнее, но слёзы всё равно текли.

Именно Анька придумала прозвище Аля. По приезде она вдруг начала брать за руку и спрашивать:

— Как думаешь, Аля?

Не понимал, почему ей вдруг стало интересно, что у меня в голове. Но нравилось наблюдать, как она думает: чуть опускала одну бровь и тёрла пальцем висок. Это выглядело забавно. Раньше не обращал на это внимания.

А вот ту девочку из поезда поначалу старался не замечать. Она была повсюду. Даже когда приехали в санаторий, постоянно крутилась рядом. Но спустя время мы подружились и начали разговаривать. Она смеялась, нажимая на кончик моего носа, и я двигался как робот. Мы брались за руки, и больше не нужно было зажмуриваться или считать. Было очень хорошо, но пугала мысль, что нас застанут вместе. Видимо, потому, что казалось, будто она ненастоящая. А когда смыкал веки, она становилась грустной и уходила.

Во время прогулки заметил, как Анька косится на нас, и стало опять стыдно. Назвал девочку «зубастиком» и бросил, что не хочу её видеть.

После этого она больше не появлялась. Но внутри было тяжело, и приходило сожаление о сказанном. Сказанном неправильно. Даже не получалось вспомнить её имени. Черты. Как и мамыны. Лица со временем таяли в голове, и иногда думал, что мама тоже была ненастоящей.

Наметка

Мне было двенадцать, когда отец впервые взял меня в деревню, где вырос сам. До этого знал деревню только по рассказам взрослых и по картинкам в книжках. На деле всё оказалось другим: тише, ниже. Двор, сарай, погреб, старая яблоня, ягоды, падавшие прямо в траву. Для городского мальчика это было почти чудом: фрукты не из магазина, а прямо с ветки или с земли.

Отец ушёл по своим делам, а я слонялся по двору без толку и заглядывал куда попало. Долго стоял у сарая, глядя, как под крышей туда-сюда летают ласточки. Гнездо было прилеплено высоко, под самым свесом. Мне вдруг захотелось посмотреть, как оно устроено внутри. Не разорить, не сломать — просто поддеть, заглянуть. Взял грабли, поднял их ручкой вверх и ткнул.

Гнездо сорвалось сразу.

Оно ударилось о землю и расколосось. Внутри были два птенца — уже большие, желторотые. Они раскрывали клювы и дёргали головами, ничего не понимая. И в ту же секунду надо мной поднялся отчаянный крик. Ласточки заматались так низко, что я невольно пригнулся. Мне казалось, ещё немного — и они начнут бить меня в голову.

Бросил грабли и присел. Сначала просто смотрел. Потом схватил развалившееся гнездо, попробовал собрать его в руках, прижать обратно, словно это вообще было возможно. Поднял голову, посмотрел под крышу, потом снова вниз. Уже тогда было ясно: ничего не вернуть. Но всё равно возился с этими сухими комочками, со стеблями, с глиной, будто можно было всё приклеить обратно.

Птенцы пищали.

Ещё стоял так, когда увидел у стены кошку. Она сидела неподвижно. Наблюдала за мной. Тогда схватил остатки гнезда вместе с птенцами и полез по шаткой приставной лестнице на крышу сарая. Лестница ходила подо мной ходуном, перекладины скрипели. Ласточки не отставали — резали воздух прямо у лица. От их крика становилось ещё хуже. Было страшно и стыдно, словно не перед людьми, а именно перед ними.

На крыше кое-как пристроил гнездо возле выступа под самым скатом и отступил. Птенцы жались друг к другу и всё ещё раскрывали рты. Постоял секунду, не зная, что делать дальше, потом слез вниз. Хотелось верить, что теперь всё как-нибудь решится само, что птицы найдут их, заберут, перенесут обратно.

Выйдя со двора, пошёл по пустой деревенской улице, шмыгая носом и стуча палкой по доскам забора. Палка отбивала неровный ритм между перекладинами, и это немного заглушало крик ласточек, который всё ещё стоял у меня в голове.

Навстречу мне шла девочка. Быстро вытер глаза.

Она была примерно моего возраста. На ней — старое платье с воротничком, подпоясанное тонким ремешком. Ноги босые, запylённые по самые икры. Увидев меня, она остановилась и спросила:

— Это ваша машина стоит у старого дома?

Спрятал палку за спину.

— Моего отца.

— Значит, вы там остановились?

— Да.

Она посмотрела на меня без всякого стеснения — сверху вниз, потом снова в лицо.

— Вы же из города?

— Из города.

Незаметно отпустил палку в траву за спиной.

— Я Майка, — она внимательно наклонила голову, будто ждала реакции. — Ладно. Хочешь конфету?

Не знал, что ответить.

— Какую?

Девочка сунула руку в карман платья и достала оттуда сахарный леденец — без палочки, просто неровный застывший кусок, прилипший к ткани. Дома у тёти Марты видел, как такие делали: плавил сахар, разливали по формочкам, смазанным маслом. Но этот она вынула прямо из кармана, отлепила и протянула мне.

— Держи. У нас целая тарелка.

Её ладонь была влажная и липкая. Стало неловко отказываться, хотя меня передёрнуло. Осторожно коснулся леденца, уже мягкого по краям, но она не стала ждать и сама вложила его мне в руку. Потом, как ни в чём не бывало, облизнула пальцы.

— Ну? Куда идёшь?

Стоял с липкой конфетой в руке и смотрел на неё. Почему-то мне вдруг показалось, что эта девчонка может знать, что делать. Здесь ведь всё было её: сарай, крыши, кошки, птицы. А я не знал ничего.

— Там гнездо упало.

— Какое гнездо?

— Ласточкино.

— Где?

— На сарае... На крыше.

Она сразу вскинула голову.

— Пойдём.

И только когда она схватила меня за запястье, понял, что сболтнул лишнего. Придётся объяснять, почему гнездо оказалось на крыше. Но девочка уже тянула меня обратно к сараю, и побежал за ней.

Мы влезли наверх по той же лестнице. На крыше от гнезда осталось только смятое пятно из сухой травы и глины. Птенцов не было.

— Может, птицы забрали, — быстро сказал я.

Майка присела, поводила пальцами по крошкам глины и сухим стеблям, потом пожала плечами:

— Ага. Или кошка сожрала. Или сорока. Или ещё кто.

Она сказала это так спокойно, будто речь шла не о беде, а о погоде. Потом поднялась, шагнула к тёмному лазу на чердак и заглянула внутрь.

— Эй. Иди сюда.

Я замялся.

— Зачем?

— Ну иди.

Внутри было темно. Шагнул через порог и остановился, привыкая к сумраку и запаху сена. Девочка притаилась сбоку и вдруг толкнула меня обеими руками прямо в рыхлый сноп. Упал на спину, захлебнулся пылью и услышал её звонкий смех.

Она швырнула сверху горсть сухого сена, потом сама повалилась рядом. Сел, хотел возмутиться, но только чихнул. Майка хохотала, запрокинув голову, и уже не понимал, злюсь или тоже сейчас засмеюсь.

Потом мы оба легли на спины. Прямо над нами, под балкой, висело пустое, серое осиное гнездо.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Сразу ответил тем именем, которым меня звали только дома:

— Аля.

И тут же поправился:

— Алекс.

Она покосилась на меня и усмехнулась.

— Аля лучше.

— Нет. Алекс.

— Ну ладно.

Она перевернулась ко мне, прищурилась, будто что-то прикидывала, и вдруг навалилась сверху, прижав меня к селу коленями.

— Щекотки боишься?

Не успел я ничего сказать, как её пальцы уже вцепились мне в бока. Дёрнулся, сжал локти и замер, не зная, отбиваться или терпеть. В кулаке у меня всё ещё лип растаявший леденец.

— Брось его, — сказала она и разжала мне пальцы.

Леденец шлёпнулся в сено.

Она продолжала щекотать, заливаясь смехом. Пыль лезла в нос, её волосы падали мне на лицо. Сначала только извивался и сдерживался, а потом тоже засмеялся — резко, почти против воли, ещё всхлипывая после недавних слёз.

И вдруг она больно сжала мне пальцами ключицу.

Вскрикнул.

Она сразу отпрянула.

— Больно?

— Больно, — выдохнул, переводя дух.

Скрестив руки на груди, отвернулся. Девчонка села рядом, оттирая ладонь от сахара пучком сена.

Потом сказала уже без смеха:

— Им тоже было больно.

— Ты дура ненормальная, — пробормотал я.

— Это ещё кто ненормальный? — спокойно ответила она.

Майка поднялась, шагнула к свету у лаза и обернулась:

— Вы все городские такие садюги?

Насупился, потирая ключицу. Ответить было нечего.

На следующий день мы с отцом зашли к соседям, которые присматривали за нашим старым домом. Взрослые сразу заговорили о чём-то своём, а меня повели на кухню.

Я застыл на пороге.

За столом, поджав под себя ноги, сидела Майка. Платье задралось, подол был зажат между коленями. Она отложила надкусанный пирожок прямо на скатерть, взяла стакан компота и стала пальцами вылавливать из него яблочные дольки.

Стол был плотно заставлен: миски с салатом, наполовину разобранная курица, большая буханка хлеба, нарезанная толстыми ломтями.

Меня посадили напротив. Молча сел, положив руки на колени. Хозяйка дома тут же шлёпнула на мою тарелку огромный, ещё шипящий беляш.

— Ладно. Разберётесь, — бросила она, снимая передник.

Взрослые вышли во двор.

Сквозняк шевелил занавески: они то закрывали Майку, то снова открывали. Было неловко, но всё равно смотрел: на её руки, на сбитые коленки, на лицо, когда она опускала глаза в стакан. Верхние зубы иногда накрывали нижнюю губу, а из-под волос торчали кончики ушей.

Она поджала ноги ещё сильнее, уткнулась подбородком в колени и некоторое время просто смотрела на меня.

— Ты ничего больше не натворил? — спросила наконец.

Отвернулся.

Она допила компот, резко встала, схватила тарелку с курицей, сунула её в холодильник и с грохотом захлопнула дверцу.

— Ну и сиди сам, молчун, — бросила и ушла в тёмный коридор.

Я остался один.

Беляш лежал передо мной — жирный, слишком большой. Когда на него села муха, есть расхотелось окончательно. Смотрел в окно: во дворе взрослые смолили трубы, и с вечерней прохладой в кухню тянуло запахом нагретой смолы.

За стеной взревел электромотор. Потом послышался ровный режущий звук — что-то стачивали или пилили. Сидеть одному на кухне стало совсем невыносимо. Прислушался. Встал и пошёл на этот звук.

Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта. Толкнул её и увидел маленькую мастерскую. На верстаке стоял небольшой отрезной станок с тонкой пилкой — почти такой же был у нас в кружке авиамоделирования. Рядом было прикручено точило на два диска.

Майка, сгорбившись, шлифовала маленький кубик, не больше трёх сантиметров. На лице у неё была маска для ныряния, вся в белёсой пыли. За стеклом глаза казались чужими, круглыми, как у лягушки.

Звук стих. Она сняла заготовку, вытерла её тряпкой, и только тогда заметил, что на левой руке у неё нет верхней фаланги указательного пальца.

Меня передёрнуло. Жирный запах беляша тут же подступил к горлу.

Майка поставила кубик на полку, заставленную такими же маленькими кубиками — из дерева, из камня, ещё из чего-то, чего не знал. Один, красноватый, был похож на кирпич.

— Круто, — тихо сказал. — Это всё ты сделала?

Она взяла с полки тёмно-серый кубик и протянула мне.

— Держи. На память.

Взял его. Он оказался неожиданно лёгким и холодным.

— А тебе не жалко?

— А тебе? — ответила она, сметая пыль с верстака.

Снова посмотрел на её руку. Взгляд всё время цеплялся за обрубок пальца, и я ничего не мог с этим поделать.

— А это из чего? — спросил, чтобы не молчать.

Она обернулась ко мне.

— Из того гнезда.

Не сразу понял.

— Какого?

— Ласточкиного. Что упало.

Сказала это ровно, без всякого выражения, и у меня по спине прошёл холодок.

— В каком смысле?

Майка пожала плечом.

— В обычном. Собрала, что осталось. Слепила заново. Высушила. Потом шлифанула.

Посмотрел на кубик в своей ладони. Серый, лёгкий, почти невесомый. Не дерево, не камень. Что-то промежуточное. От этой мысли стало не по себе.

— Зачем? — едва выдавил я.

— А чего ему зря валяться? Всё можно во что-нибудь переделать.

Потом подошла ко мне, взяла за запястье и потянула к двери.

— Выходи. Мне закрыть надо.

Когда мы вышли в коридор, она обернулась и внимательно посмотрела на меня, не отпуская моей руки.

— Сильный, значит. Удержишь меня?

Я скривился, не зная, что ответить.

— А что нужно делать?

Она тут же сорвала с крючка верёвку и сунула мне в руки. Верёвка была шершавой и промасленной. Пальцы коснулись колючего ворса, ладони зазудели.

— А где у вас можно помыть руки?

— Пойдём, там помоешь, — ответила, уже выходя во двор.

Пришлось идти следом. Девчонка уже бежала через огород, на ходу оборачиваясь и махая мне:

— Пойдём, не стой там!

Ускорил шаг. Она бежала босиком. Ветер трепал её волосы, открывая острые уши. Мы прошли вдоль поля и вышли к небольшой посадке. Внизу был невысокий обрыв, над которым склонялась ива, а под ним текла узкая речка.

Майка присела на корточки, посмотрела вниз, потом обернулась:

— Иди сюда. Вяжи на руку.

Подошёл ближе, посмотрел на реку, потом на верёвку в своих руках. Непонятно было, что нужно делать — что вязать, как вязать.

Майка раздражённо вскочила, выхватила верёвку, быстро обмотала конец вокруг моего предплечья и всунула его мне в кулак.

— Держи крепко. Не упусти.

Потом схватилась за верёвку обеими руками, повернулась ко мне лицом и начала спускаться вниз по обрыву.

Верёвка натянулась, и вся тяжесть пришлась мне на руку. Шершавая верёвка жгла кожу. Стало больно. Вцепившись второй рукой, как мог, упёрся ногой в пенёк.

Потом тяжесть вдруг исчезла. Смотреть вниз не хотелось.

Через несколько секунд верёвка дважды дёрнулась и снизу послышался крик:

— Держишь? Я поднимаюсь. Подтягивай!

Боль снова навалилась на руки. Майка карабкалась долго. Наконец наверх полетел какой-то тяжёлый комок — то ли глина, то ли размокшее дерево. Потом над краем обрыва показалась сама девчонка. Я сел в траву от усталости.

Она выбралась наверх и сразу зашипела, замахав руками, словно стряхивая с ладоней боль. Потом подошла к какому-то высокому растению у дерева, резко сломала стебель, и на изломе выступил густой жёлтый сок. Этим соком начала мазать ладони.

Потом взглянула на меня:

— Что, тоже руки болят? На, мажь. У нас так делают.

Швырнула мне сломанный стебель. Ничего не стал делать. Только смотрел на ту странную находку, которую она вытащила с берега.

— Что это?

Майка подула на ладони, покосилась на находку и сказала:

— Распилю — узнаю. Давно там валяется. Всё достать не могла.

Подхватив свою добычу, она пошла вдоль реки. Я поплёлся следом, всё ещё чувствуя жжение в ладонях.

— Ты куда? — спросил, еле поспевая за ней.

— Пойдём на пляж, — ответила, не оборачиваясь. — Проверить кое-что надо.

Мимо моего лица с тяжёлым гудением пролетел шмель. Успел заметить, что у него на лапках что-то было.

— О, что-то в улей понёс.

— Кто? — Майка обернулась.

— Шмель.

— Ну ты даёшь. В улье только пчёлы. Сразу видно — городской.

— А шмели где живут?

— В земле.

— Как это? Нору роют?

Майка только засмеялась и пошла дальше. Ещё секунду смотрел шмелю вслед, пытаюсь представить его под землёй, а потом догнал её. Впереди уже показался песок у воды.

Мы начали спускаться к пляжу. Рядом торчал рыбацкий пирс. К нему была примотана железная бочка, по горловину утопленная в реке.

— А это зачем? Что бочка там делает?

Майка обернулась:

— Это бидон. Огурцы там квасятся.

— Огурцы? Как из банки?

Девчонка расхохоталась:

— Квашеные, дубина!

Майка подошла к воде и задрала платье. Скрутила его узлом под грудью, оставшись внизу в простых белых трусах, и вошла в реку. Сначала по щиколотку, потом по колено, потом ещё глубже — пока вода не дошла почти до бёдер.

Смотрел, не отрываясь.

Когда-то, совсем маленьким, был на море — с мамой и папой. А потом, когда остался с отцом, мы уже никуда не ездили. И в школе у нас не было ни бассейна, ничего такого. Не знал куда смотреть. Но не мог отвести глаз.

Майка зашла в воду ещё глубже и стала водить руками у поверхности, будто что-то искала. Потом подцепила верёвку и потащила к себе сетку, натянутую на ржавых проволоках. В ней запутались две рыбёшки: торчали жабрами, дёргались.

Уставился на них, не понимая, как они там оказались. Наверное, девчонка сама засунула их в эту штуку. Но зачем?

Одну рыбу она швырнула на песок сразу, вторую отцепила следом. Рыба была ещё живая, извивалась на берегу, билась, как червяк после дождя. На это было неприятно смотреть.

— Держи её! — крикнула Майка. — А то обратно уйдёт!

Подошёл, но не знал, как к ней прикоснуться. Рыба дёргалась, была скользкая, живая. Тогда просто попытался загородить путь ногами: встал перед ней и растопырил ступни. Но мокрый песок подо мной поехал. Одна нога соскользнула в воду, за ней другая, и я рухнул вперёд, выставив руки.

Рыба забилась под животом и хлестнула хвостом. Майка рассмеялась.

Вскочил, выдернул ноги из воды и с досады отпихнул рыбу подальше от берега, как мяч. До чего же это было противно. Мокрые ноги, грязь в кедах, руки в песке, запах тины, эта скользкая рыба и Майкин смех — всё вдруг стало злить. Зачем я вообще здесь? Почему должен это терпеть?

Резко обернулся к ней.

Она как раз выходила из воды. Поднималась к дереву и на ходу развязывала узел на платье.

Застыл. Потом зажмурился, но это не помогло — всё равно видел её перед собой. В груди жгло. Внизу живота резко свело. Я не понял, что происходит, только вдруг отчаянно захотелось в туалет. Стоял, стиснув колени. Стало жарко, муторно, и к горлу подступила тошнота.

Открыл глаза. Майка уже поправила платье. Она понесла свой улов, засунув пальцы прямо им в жабры, а под мышкой держала свою находку. Опять посмотрел на тот палец.

— Ты что, перегрелся? — спросила с полусмехом. — Не забудь верёвку.

Поднял верёвку и поплёлся за ней. Мне всё казалось, что она до сих пор жжёт ладони. В кедах хлюпала вода. Каждый шаг был противный, будто внутрь и правда что-то заползло и теперь живёт там, между носком и стелькой. Носки липли к ступням.

Майка шла быстро. Мы возвращались уже другой дорогой. В какой-то момент почувствовал запах смолы и понял: дом близко.

Недалеко от дома стоял одинокий дуб, и от дороги к нему вела узкая тропинка, выложенная из цветных кусочков чего-то.

— А это что? — спросил.

Майка обернулась, мельком посмотрела на тропинку и ответила:

— Дорожка для ёжиков.

Ничего не понял. Какая ещё дорожка? Для каких ёжиков?

И всё равно шёл за ней дальше: за грязными пятками, рыбой в руке, непонятной штукой под мышкой, мокрыми спутанными волосами. Рядом с ней всё время что-то случалось, а я каждый раз понимал слишком поздно.

Следующим утром мы с отцом выносили из дома старую мебель, изъеденную жуками, всякий хлам, банки, старую консервацию с ржавыми крышками и неработающий телевизор. Всё это складывали за стеной сарая.

Я, конечно, не упустил случая разобрать старый телек и выковырять из него платы, лампы, резисторы и всё, что ещё могло пригодиться. Ничего особенно ценного там не было, но лампы можно было потом обменять на рынке на транзисторы, а силовые резисторы оставить себе.

Ковыряться отвёрткой, пытаюсь сдвинуть упрямый болт, когда сзади меня окликнули:

— Что делаешь?

Нижнюю челюсть сразу свело. Опять она, подумал.

Резко отложил отвёртку и обернулся. Майка стояла босая, в таком же платье, как вчера, только другого цвета, с теми же растрёпанными волосами. Было ещё утро, а ноги у неё уже были грязные.

— Разбираю схемы.

— Зачем тебе этот старый хлам?

Уже начал злиться.

— Нужно. У тебя свои кубики, у меня своё.

— Ты что-то мастерить?

— Долго объяснять, — отрезал и снова наклонился к телевизору.

За спиной зажурчало. Обернулся — Майка как ни в чём не бывало присела под деревом в нескольких шагах от меня. Отвёртка сорвалась и пропорола мне палец.

— Чёрт! — выкрикнул. — Ты что, издеваешься надо мной?

Майка спокойно поднялась, поправила платье и посмотрела на меня так, будто это я вёл себя странно.

— Что ты такой психованный?

И ушла, словно ничего не случилось.

А я ещё долго смотрел ей вслед исподлобья, пока она не скрылась за деревьями. Потом снова напомнил о себе палец. Выступила капля крови. Пошёл в дом — промыть, чтобы не занести заразу.

После обеда отец снова повёл меня к соседям. Он забирал какие-то вещи, и в сам дом мы не заходили.

Из летней кухни вышла хозяйка с большим пакетом в руках.

— Вам гостинец, — сказала она.

Отец благодарно взял его. Из пакета торчал лук и ещё какая-то огородная зелень. Пакет был тяжёлый.

И тут я всё понял. Мы уезжаем.

Меня сразу бросило в жар. Стало так душно, что не мог спокойно стоять. Начал искать глазами Майку. Смотрел по сторонам, но её нигде не было. Вернулась ли она вообще? Может, опять ушла к реке? Может, ещё можно успеть сбегать? Но что бы я ей сказал? Что просто мимо проходил?

Повернулся к отцу:

— Почему ты мне не сказал, что мы уезжаем?

— Я думал, ты будешь рад, — сухо ответил он. — Ты же не хотел сюда ехать.

Ехать и правда не хотел. Но возвращаться почему-то тоже не хотелось.

Когда отец уложил вещи в машину, я наконец увидел Майку. Она стояла у калитки, возле вишни, и выковыривала из коры смолу, тут же отправляя её в рот. Стояла на одной ноге, а другой болтала в воздухе, едва касаясь большим пальцем земли. На нас даже не смотрела — будто мы уже уехали.

Помню, как у меня заныли щёки. Не заболели — именно заныли.

— До свидания, — пробормотал я сквозь зубы.

Уже повернулся к машине, когда она вдруг оказалась рядом. Майка молча схватила меня за руку и сунула мне в ладонь что-то твёрдое. Это был кубик. Она тут же разжала мои пальцы, отступила и убежала за калитку.

Мы ехали молча. В машине пахло хвоей и раскалённым асфальтом — почти так же, как возле дома Майки.

Боль не проходила. И сам не понял, почему начал плакать. Просто смотрел в окно и плакал, вытирая слёзы.

Отец посмотрел на меня. Потом положил руку мне на плечо. Наверное, он подумал, что плачу из-за мамы.

— Я понимаю, — тихо сказал он. — Мне тоже её не хватает, Алекс.

И вдруг увидел в нём совсем другого человека — такого родного, что мне захотелось прямо там, в машине, обнять его.

Но мы так и ехали дальше молча, и боль всё не проходила.

Я сжимал в руке тёплый кубик и считал: десять, девять...

Изгиб первый

После того лета деревню вспоминал всё реже. Прошло больше года. Стояла осень, мне было тринадцать, когда отец сообщил, что к нам приедут гости.

— Кто? — спросил.

— Дядя Витя, — сухо ответил он. — Ему нужно у нас остановиться. Что-то связано с больницей, с обследованием.

Я помогал наводить порядок, пока отец готовил ужин. Наша родня — и со стороны мамы, и со стороны отца — была разбросана по всему бывшему Советскому Союзу. Мы редко навещали кого-то, но иногда родственники приезжали к нам.

После уроков побежал в авиамодельный кружок: всё ждал, когда доделаю самолёт и смогу запустить его на кордовой площадке. Мы вообще пропадали на улице: гоняли в футбол, играли ножами в «Землю», носились на великах. Я знал каждый двор и каждую подворотню. У каждого пацана на руле красовался самодельный спидометр, и я умел собирать такие сам — из стрелочных индикаторов, магнитов и катушек.

Вернувшись домой, ещё с лестничной клетки услышал голоса. Привычное дело: звон посуды, чужая речь. Из квартиры тянуло едой — очень знакомой, но не школьной и не похожей на мамины блюда. Открыл дверь, разулся и крикнул:

— Папа, я дома!

Отец что-то буркнул из кухни.

В прихожей стояли две пары чужой обуви. В пару поменьше были кое-как всунуты носки. Хмыкнув, без задней мысли направился к себе.

То, что увидел за дверью, осознал не сразу. Будто ударило по затылку изнутри. Шею свело до боли, уши вспыхнули. За моим столом сидела Майка.

Она не слышала, как я вошёл. На ней были мои массивные наушники, подключённые к проигрывателю, где с тихим шорохом вращалась пластинка. Меня словно вдавило в дверной косяк. Колени подогнулись, и сам не заметил, как осел на корточки.

Она заполняла мою анкету.

Ту самую дурацкую тетрадку, которую завёл, насмотревшись на Аньку. У неё была такая же — пухлая от вкладышей, фантиков и чужих рисунков. Стандартная анкета с глупыми вопросами: имя, любимая музыка, еда, «нарисуй что-нибудь на память». Мою заполнили всего пара друзей. И почему не убрал её на верхнюю полку?

Вцепившись в собственные колени, смотрел на неё как оглушённый: на курносый нос, на палец без фаланги, который подрагивал в такт музыке, на босые ноги, безуспешно пытавшиеся обхватить ножки стула. Это была всё та же Майка — и в то же время совсем другая.

Вдруг её рука замерла. Майка медленно повернулась. Думал, она сейчас вскочит и начнёт извиняться. Но она просто стянула наушники и буднично произнесла:

— О, ты вернулся. Привет.

Я промолчал. Не отрывая взгляда от тетради, глухо выдавил:

— Это моё.

Она закрыла тетрадь и ткнула пальцем в надпись на обложке: «Анкета для друзей».

— Я думала, это приглашение. Только одну слипшуюся страницу отодрала. Там ещё отпечаток чьей-то губы был. Варенье, наверное?

Перед глазами тут же всплыли девчонки со двора.

— Это для друзей, — голос почти не слушался.

Майка моргнула, и сжала губы. Бросила быстрый взгляд на полку над столом, где лежали два её кубика. Тут же поднялась, прошла мимо и на ходу небрежно взьерошила мне волосы — так, что стало унижительно.

— А я думала, мы подружились.

Она скрылась на кухне, где о чём-то беседовали наши отцы.

Ещё немного посидел у косяка, потом встал, выключил проигрыватель и повесил наушники на место. Сначала не хотел трогать анкету. Но всё-таки открыл на странице, где она остановилась. Майка успела ответить на шестьдесят восемь вопросов из ста. Тут же захлопнул тетрадь, но перед глазами всё равно стоял её ровный, аккуратный почерк.

На кухне мой отец и дядя Витя сидели за столом, а Майка стояла у плиты спиной ко мне и что-то нарезала. Пристроился с краю.

— Здравствуйте.

Дядя Витя кивнул и добродушно спросил:

— Ты же не против? Майка у тебя немного посидела.

Промолчал.

Ужинали тихо, только взрослые неспешно переговаривались. Майка то и дело влезала в беседу, помогая дяде Вите вспомнить какие-то давние события. Когда с едой было покончено, она без лишних слов собрала тарелки и принялась их мыть, изредка уточняя, куда что убрать. Отец молча указывал пальцем, а я не мог отвести глаз: она открывала шкафчики, заглядывала в холодильник, двигалась так быстро и уверенно, словно жила здесь всегда.

Вечером ушёл в гостиную и включил телевизор, плотно прикрыв дверь, чтобы кухонные разговоры не отвлекали. Шёл какой-то фильм — названия не помню, но почти сразу перестал слушать кухню. Вскоре появилась Майка. Села рядом — тихо, аккуратно сложив руки на коленях. А во время рекламной паузы вдруг сказала:

— Я его видела. Там потом этот герой...

И выболтала всю концовку.

Смотреть дальше уже не имело смысла. Схватил с журнального столика первую попавшуюся книгу, просто чтобы занять руки. Повертел её, раздражённо швырнул обратно, поднялся и направился к себе.

— Ну спасибо, — бросил ей в лицо.

И тут же пожалел об этом.

Ближе к ночи мы снова столкнулись на кухне за чаем — решали, кто где ляжет. Диван в гостиной не раскладывался, поэтому дяде Вите выделили кресло-кровать, а Майке поставили рядом раскладушку. Отец выдал гостям чистые полотенца. Первым в душ пошёл дядя Витя. Выйдя, он зачем-то снова сел с папой пить кофе.

Следом зашумела вода — Майка пошла в душ.

Я не находил себе места в комнате. Пульс бил где-то в горле. Ладони стали влажными. Не понял, зачем поплёлся на кухню. Возле ванной шаг замедлился уже нарочно. Потоптался рядом со взрослыми, делая вид, что слушаю их байки, и снова вышел в коридор.

За тонкой дверью плескалась вода. Майка тихо напевала. Шум душа то стихал, то возобновлялся. Сам не заметил, как застыл там. Только спустя несколько минут до меня дошло, как это должно выглядеть со стороны. И вода перестала шуметь окончательно. Метнулся к себе за секунду до того, как щёлкнула задвижка.

Вскоре дверь моей комнаты приоткрылась. Майка шагнула внутрь одной ногой и легонько стукнула костяшками по косяку.

— Тук-тук.

Ссутулившись, отложил паяльник и выдернул шнур из розетки.

— Что делаешь? — поинтересовалась она.

— Уже ничего, — пробубнил, торопливо сбрасывая провода, железки и мелкие детали в коробку.

Схватил книгу, забрался на кровать и уткнулся в страницы.

Майка опустила на стул.

— Расскажи мне.

— О чём?

— О той девчонке, чьи губы остались у тебя в тетрадке.

Разговаривать не хотелось. Подтянул колени к груди, устроившись полусидя, и положил книгу сверху.

— Не твоё дело, — огрызнулся я.

Она улыбнулась и чуть подалась вперёд:

— Забавно. Второй лист пустой, зато на нём поцелуй. И клеёнка подложена, чтобы не размазался. Ты украл его?

Жар залил лицо. Зажмурился.

— Нет!

— Думала, у тебя куча друзей...

— У меня их много!

— По записям не скажешь, — хмыкнула она. — Одни девчонки.

— Там не только девчонки!

— Да, есть мальчишки. С подозрительно похожими адресами. Как интересно.

— Чего ты до меня докопалась? — не выдержал.

Майка отвернулась, скользнула взглядом по полкам и тихо уронила:

— Просто любопытно, чем живёт такой чистюля.

— Ты ко всем так лезешь со своими дурацкими вопросами? Слишком умная?

Подняв брови, она быстро ответила:

— У меня четвёрок нет.

— Оно и видно, что даже четвёрок нет, — парировал я.

Она только усмехнулась. Потянулась к пёстрому тому энциклопедии, но рука замерла на полпути.

— Можно? — тихо спросила, обернувшись.

Покосился на обложку.

— Бери. Если вообще там что-то поймёшь.

Она вытащила книгу и принялась листать, а я снова уставился в свои страницы, ничего не читая.

Майка вскочила со стула, сдёрнула с кресла сложенный плед и швырнула его на кровать, прямо к моим ногам. Потом забралась с ногами на противоположный край постели, вытянула этот плед из-под моих ступней, подсунула себе под спину и обхватила колени.

— Так расскажешь?

От неё пахло шампунем и ещё чем-то тёплым, незнакомым. Внизу живота заныло так резко, что я сразу разозлился. Хотелось столкнуть её на пол, выгнать, никогда больше не видеть. До ужаса боялся, что кто-то из взрослых зайдёт и застанет нас вместе на кровати.

Не выдержав, нервно дёрнул ногой.

— Отвали! Не интересуют меня девчонки.

Она отшатнулась, будто и правда испугалась, что ударю её. Сильнее вжалась в покрывало, обняла колени и уткнулась в них подбородком. Верхние зубы выступили ещё заметнее.

Тишина начала сводить с ума. Она смотрела на меня уже без насмешки. Мне было стыдно за мой тон, и я спросил первое, что пришло в голову:

— Что у тебя с пальцем?

— А ты как думаешь? — не задумываясь, выпалила она.

Вспомнил тот станок в мастерской.

— Почему тебе не запретили? Ну, кубики резать.

— Тебя током било? — тут же спросила она.

— А ты всегда вопросом на вопрос?

Щёки горели ещё сильнее. Казалось, она видит меня насквозь. Прижав костяшку пальца к губам, принялся нервно обгрызать сухую кожу.

— Било тыщу раз, — сказал и поднял глаза. — А при чём тут это?

Майка сняла с запястья резинку и собрала ещё влажные волосы в хвост. Свернулась клубком и уткнулась щеками в раскрытые ладони, кончиками пальцев придавив свои острые уши.

— Ты же не бросил, — еле слышно сказала она. — Это из-за Деда Мороза.

Выпрямил спину.

— В смысле?

Она усмехнулась.

— Это давно было. Я ждала Деда Мороза у окна. Держалась за оконную ручку. И заснула.

— Я не понимаю.

Мне стало действительно любопытно, и уселся поудобнее.

Она продолжила всё так же спокойно:

— В сильные морозы железная ручка аж белой становилась, мохнатой от инея. Я за неё схватилась и заснула. Рука горячая, железо мёрзлое — палец и прикипел. Потом чёрным стал. А ты думал, я его отпилила, дубина?

Перевёл взгляд на сухой тёмный лист алоэ на подоконнике.

— А кому нужно было сегодня в больницу?

— Мне. Рассказать?

Мне и вправду хотелось остаться с ней подольше и послушать, что она скажет, но я ответил:

— Нет. Неинтересно.

Она убрала руки с лица, опустила ноги на ковёр.

— Ну как хочешь.

Встала, аккуратно положила покрывало на место, задвинула стул под стол. И уже у выхода бросила:

— Под дверью стоять интереснее?

Стены комнаты в секунду будто раздулись. Глаза запекло, а в груди стало пусто и холодно.

— Сладких снов, чистюля.

Дверь мягко закрылась за ней.

Не проронил ни звука. Вообще не мог говорить. Слёзы пошли сами. Подтянув к себе подушку, уткнулся в неё лицом. Живот сводило от боли до самой настоящей тошноты.

Утром мы завтракали почти молча. Взрослые обсуждали деревню, расписание и какие-то бумаги. Майка сидела напротив и ела хлеб с маслом, не поднимая глаз. Смотрел только в свою тарелку.

Иногда наши взгляды всё-таки встречались. Тогда она отворачивалась к окну, а я делал вид, что ищу соль.

После завтрака дядя Витя застегнул сумку, отец проверил, не забыли ли они свои вещи, и мы все вместе вышли на остановку. Воздух был сырой, по-настоящему осенний. Шёл рядом, перепрыгивая лужи, стараясь не наступить на трещину на асфальте.

Троллейбус подошёл почти сразу. Дядя Витя поднялся в салон первым. Майка задержалась у дверей, будто хотела что-то сказать, но лишь поправила ляжку рюкзака на своём плече. Я тоже промолчал. Створки захлопнулись. Троллейбус медленно отъехал от остановки и скрылся в потоке машин.

Мы с отцом вернулись к дому. Он поднялся в квартиру, а я остался у подъезда. Двор был пуст. В песочнице темнели мокрые доски, возле лавочки валялся размокший мелок. Долго

смотрел в лужу у бордюра. Затем опустился на корточки, развязал шнурки, снял ботинки, вытащил носки и запихнул их внутрь обуви. Ступни тут же обдало холодом.

Шагнул в лужу. Вода оказалась ледяной. Сначала кожу просто обожгло, а затем пальцы начало ломить, будто кости внутри стали слишком большими. Стоял и ждал, пока невыносимая боль из груди перетечёт вниз, в ступни. Так действительно становилось легче.

— Алекс! Ты совсем очумел?

Из магазина возвращалась тётя Зина с третьего этажа. Оставила сумки у подъезда и почти бегом кинулась ко мне.

— Ты что творишь? Заболеешь ведь!

Она схватила меня за плечи и оттащила к лавочке. Стянула с себя шарф и укутала мне мокрые ноги, сердито причитая:

— Отца бы пожалел. Он и так один с тобой мается.

«При чём тут мой отец?» — подумал я.

Молчал. Ноги невыносимо ныли, пальцы посинели, но внутри и правда стало тихо.

Тётя Зина принесла ботинки, вытряхнула из них носки и велела обуваться. Послушно натянул носки и влез в холодную обувь.

Через неделю пришло письмо. На конверте стояло моё имя, выведенное ровным почерком. Внутри лежал тетрадный лист: вопросы из моей анкеты — аккуратно заполненные до конца. На последней строке, там, где значилось «нарисуй что-нибудь на память», Майка нарисовала маленькую коробку с раскрытыми гранями. Ещё в конверте оказалась сложенная бумажная фигурка и короткая инструкция:

«Вставь спичку. Надави сверху».

Нашёл спичку, просунул её в прорезь и осторожно нажал. Бумага тихо щёлкнула, развернулась, и плоская заготовка стала маленьким цветным кубиком.

Долго держал его на открытой ладони. А потом вложил анкетный лист в тетрадь — туда, где ему и было место.

Изгиб второй

Следующим летом папа позвал меня на кухню. На столе лежали открытки чужого города: мост со львами через широкую реку, крепость на холме, жёлтые трамваи. У отца блестели глаза. Мне показалось, он недавно плакал, но сейчас едва сдерживал улыбку.

— Что это? — спросил я.

Машинально перекладывая карточки, выстраивал их в уме как карту: эту, снятую с севера, — сюда, ту, что с горы, — чуть левее.

— Это будущее, Алекс.

— Какое будущее? У нас в городе нет такой реки.

— Ты не понял, сынок.

Он сел напротив, сцепил пальцы в замок и посмотрел мне прямо в глаза.

— Мне дают контракт. На два года. Потом можно будет продлить. Там служебная квартира. И школа для таких, как мы, при посольстве.

Не сразу понял, зачем нам квартира. И особенно — зачем школа.

— Ты уезжаешь в командировку?

— Нет, Алекс. Мы едем вместе. Мне было непросто, но я договорился.

Он улыбнулся, и глаза снова влажно заблестели.

— Мы же вместе. Будут хорошие деньги. Ты привыкнешь.

Горло мгновенно онемело. Кадык, который в последнее время начал заметно выпирать, дёрнулся и будто застрял внутри, не давая сглотнуть. Рот наполнился вязкой, горькой слюной.

— Я не хочу! — выкрикнул. — Никуда не поеду!

Отец сразу посерьёзней и начал объяснять, что всё уже решено. Что так будет лучше для нас обоих.

Я вскочил, вылетел в подъезд и с силой захлопнул за собой дверь. Опустился на ступеньки между пролётами, прямо возле мусоропровода. Шмыгал носом и зло вытирал лицо рукавом.

Девятый класс. Выпускной год. Математичка забирала меня в свой класс. Авиамодельный кружок. Соревнования. Пацаны. Меня никто даже не спросил.

Хлопнула чья-то дверь. Напрягся, подумав, что это отец, но это оказалась соседка с пакетом мусора. Увидев меня, она подозрительно сузила глаза:

— Куришь?

Мотнул головой.

— Смотри мне, а то отцу скажу.

Она с натугой оттянула тяжёлую заслонку и спихнула пакет в шахту. Металл грохнул так, что эхо разнеслось по всем этажам. Вздрыгнул, втянул голову в плечи и на секунду зажмурился.

Соседка недовольно чертыхнулась и пошла наверх. Проводил её взглядом и уставился на её босые пятки в стоптанных тапках. В памяти тут же вспыхнули Майкины ступни у калитки. Смола на коре. Твёрдый кубик в ладони.

Это было несправедливо.

А дальше всё сузилось до одной простой вещи.

Поднялся, подошёл к трубе и оттянул заслонку. Из тёмной пасти несло гнилью и чем-то кислым. Сунул левую руку в щель у крышки. Закрыв глаза.

Раздался лягг.

Сначала ничего не почувствовал. Только жар, скопившийся во лбу, хлынул вниз — в шею, в грудь, в стянутый живот. Лестничный пролёт поплыл и вытянулся, как резиновый. Потом где-то рядом гулко закапало. Щёлкнул замок соседской квартиры. Послышались тороп-

ливые шаги. Я непослушно поднял руку — и лестничная клетка начала стремительно темнеть. Кто-то закричал. Свет превратился в звук, от которого кожа стала как пластилин.

Не помню, что было дальше.

Было больно. Рука жгла до самого плеча и пульсировала. Но сильнее боли жёг стыд — перед отцом, который сидел напротив в «скорой».

Ещё было обидно, что мы ехали без мигалок. Останавливались на красный. Как все.

Неужели миру было всё равно?

В больнице меня сразу положили на стол. Рука исчезла за марлевой ширмой, где копошились люди в белых халатах. Боль постепенно притупилась, рука онемела почти до плеча. Воняло спиртом и копчёной рыбой.

Папа стоял рядом. Смотрел зло, почти не моргая, но стоило ему заглянуть за ширму, как лицо его менялось — становилось прежним, мягким и родным.

Позже меня перевели в палату к двум мальчишкам — у каждого была своя гипсовая история. Папа оставался до вечера, пока его не сменила тётя Марта. Она принесла пакет ярких апельсинов.

Всю ночь рука пульсировала, дёргалась под бинтами. Из-под бинтов что-то сочилось. Лежал неподвижно, боясь испачкать больничную простыню.

В больнице провёл неделю. Рука превратилась в огромную белую варежку с одной только дыркой для большого пальца. От неё разило йодом и всё той же странной копчёностью.

По дороге домой папа пытался заговорить со мной, но я огрызнулся и отводил глаза. Мне не хотелось возвращаться к тому самому мусоропроводу.

Зайдя домой, сразу заперся в своей комнате. Из кухни доносился звон кастрюль и голос тёти Марты. За обедом они вдвоём осторожно разговаривали о Будапеште — будто не со мной, а между собой. Отец рассказывал, как давно был там в командировке, а тётя Марта вспомнила дефицитные босоножки, привезённые ей в подарок. Старался не слушать, сосредоточившись на еде. Одной рукой есть было неудобно.

Затем отец пододвинул ко мне небольшую книжку — «Русско-венгерский разговорник».

Я застыл. Почувствовал кислый привкус. Еда стала обжигающе острой. Дальше слышал только обрывки слов: контракт, квартира, школа В голове пульсировало в такт больной руке. Резко встал и бросился в туалет. Меня вырвало — больно, до слёз.

— Вернись, Алекс! — крикнул отец, когда я вышел и направился в свою комнату.

— Володь, дай ему время, — тихо отозвалась тётя Марта. — Пусть успокоится.

Сбежал во двор. Друг помог вытащить мой велосипед и накачал колесо. Выяснилось, ехать одной рукой всё-таки можно, если не думать, чем это кончится. На ухабах придерживал руль краем «варежки», хотя это отзывалось резкой болью.

Скоро собрались ребята. Каждый хотел оставить на моём гипсе автограф или рисунок, и через час белые бинты запестрели цветными надписями.

— Смотри! — друг толкнул меня в плечо и показал на балконы. — Новенькая. Заехали, пока ты в больнице валялся.

Вскинул голову. Силуэт с распущенными волосами тут же скрылся за углом перил. В груди нестерпимо зачесалось — глубоко, под самыми рёбрами. Схватил руль.

— Я сам проеду. До моста.

Но у моста не развернулся. Поехал дальше.

Ехал, пока внутренний зуд не начал понемногу стихать. Вместе с ним уходил и город. Перечёркнутое название на дорожном знаке осталось позади. Впереди показалось кольцо.

Запах раскалённого асфальта, хвои — и вдруг шампуня.

Майка.

Просто ехать прямо.

Первое село оказалось чужим: старый колодец, оцинкованное ведро на цепи. Попытался его поднять, но одной рукой не вышло. Поехал дальше.

Пальцы под гипсом ныли. Здоровая ладонь горела на руле. Иногда совсем отпускал руки, доверяя дороге. Желудок крутило, во рту пересохло, небо саднило от сухого воздуха.

Солнце клонилось к закату. На подъёмах спина леденела от пота, на спусках обдавало сыростью низин. Несколько раз хотел сесть у обочины и всё бросить. Но стоило замедлиться, внутри снова начинало чесаться, и я давил на педали дальше.

Наконец появился указатель. Три километра вправо.

Дорога сузилась, пошла каменка. Руль бил в большую руку, кожа на ладони слезла и щипала от пота.

И вот — знакомые дома. Дом Майки. А за ним — наш.

Я знал, где лежат запасные ключи. Но нашего дома уже не было.

За забором стоял только старый сарай, забитый мешками. На месте дома чернели траншеи под новый фундамент, местами уже залитые бетоном.

Посмотрел на чердак сарая, к которому когда-то была приставлена лестница. Потом медленно опустился на старую лавку у калитки.

И только тогда заплакал.

Изгиб третий

В окно тянуло тяжёлым влажным воздухом: каменные фасады воняли мочой. Суббота, вечер. Город за стеной гудел пьяными голосами, басом, бутылочным звоном.

Посмотрел на настольные часы.

21:59, +22 °С

Задержался на пару секунд.

Теперь можно было вернуться.

— Я зажгу свечу?

Ответа не дождался. Щёлкнул зажигалкой. Пламя затрепетало в тяжёлом стеклянном стакане. Через несколько секунд комната наполнилась мягким, тёплым травяным запахом.

— Я нашёл его, — сказал, зажмурившись. — Тот самый запах шампуня.

Повернулся и сел обратно. Точно напротив.

Её колени. Чуть правее — родинка, похожая на каплю. Ресницы немного слиплись.

Линия губ в одном месте чуть смазалась.

Мы смотрели друг на друга.

— Оказалось, это ромашка и лаванда, — продолжил я.

Майя усмехнулась уголком губ.

— И кедр, — добавила она едва слышно.

Улыбнулся и протянул руку.

— Да. И кедр. Так просто.

Кончики наших пальцев совпали. Тепло пришло не сразу. Она слегка наклонила голову. Под окном кто-то громко крикнул. Резко отдернул руку. Мы оба посмотрели в сторону окна.

— Зачем ты тогда приехал, Аля?

Долго молчал.

— Мне было четырнадцать, Майя. Сейчас бы я сказал — не хотел, чтобы меня переложили в другую жизнь, как вещь. Тогда так не думал. Тогда меня просто вело.

Майя отвела глаза.

— Чувство, — тихо сказала она.

Кивнул, закрыл глаза — и снова оказался там.

Вечером на лавке у бывшего дома я разулся. На пятках вздулись два больших белых волдыря. Стопы дрожали и горели. Но когда коснулся босыми ногами холодной травы, боль будто ушла в землю.

Стало тепло. Уснул.

На миг даже показалось, что снится мама. А когда открыл глаза, моя щека лежала на твоём платье. Было мокро. То ли от моей слюны, то ли от росы. Ты прихлопывала комаров и вздрагивала. Я притворялся спящим, стараясь не дрожать.

Потом ты тихо сказала:

— Проснулся? Я чувствую, ты дышишь по-другому. Пойдём. Мне сидеть больно...

За окном опять кто-то заорал. Послышался женский смех. Звякнула бутылка и с грохотом покатила вниз по брусчатке.

Чёрт. Теперь она будет звенеть до самой трамвайной линии. Я, наверное, задремал. Голова раскалывалась, свет резал глаза.

Лёг в кровать.

— Майя, — позвал, натягивая одеяло на лицо. — Ты здесь?

— Я рядом.

— Выключи свет, пожалуйста. И проверь замок.

На входной двери щёлкнул замок. Свет в комнате погас.

— Спокойной ночи, Аля.

Стены вибрировали от баса.

Так же глухо пульсировала рука в тот вечер.

Тогда, встав с лавки, Майка повела меня в сарай.

— Мне папе позвонить нужно, — стуча зубами, пробормотал единственное, что было на уме.

Она шла впереди, держа меня за руку. В темноте за плечи цеплялись свисающие верёвки, скрипели деревянные загородки. Потом щёлкнул выключатель, и вспыхнула тусклая лампочка. Красноватый свет почти не доставал до углов.

Майка взяла вилы и молча скинула со стога немного сена, сооружая мягкую подстилку.

— Телефон только на почте. Поздно уже. Тут сиди.

Она кивнула на мою руку.

— Покажи.

Поднял гипс. Майка прикусила губу и осторожно повернула его к свету. Разглядела край бинтов, пятна, мои распухшие пальцы.

Потом так же осторожно отпустила руку и скрылась в темноте сарая.

Сел на ящик и слушал, как мотыльки бьются о лампочку.

Минут через десять Майка вернулась.

— Помоги, — позвала она, выходя из темноты.

У неё в руках были два лёгких колючих одеяла и две маленькие подушки. Сверху лежало свёрнутое полотенце.

Просунул здоровую руку под подушки, а Майка расстелила одно одеяло поверх соломы. Второе положила рядом и села на край.

— Клади сюда. Падай.

Она хлопнула ладонью по одеялу возле себя.

Присел рядом на корточки и положил подушки. Майка развернула полотенце прямо на одеяле.

— Бери.

Она протянула мне куриный окорочок.

— Это с ужина. Не морщись.

Я взял, но окорочок оказался таким жирным, что машинально подставил больную руку и упёр кусок в гипс. Жирное пятно тут же расплзлось по белой «варежке».

Майка принялась разворачивать пакет. Там лежали оладьи и варенье, просто налитое в клеёнку. Когда всё было разложено, она облизала пальцы, сцепила руки на колене и улыбнулась.

— Ну же. Ешь.

Откусил, попытался пожевать, но нёбо болело, и каждый кусок царапал рот. Глотнул и скривился.

— Что не так? — спросила Майка.

— Больно жевать, — выдавил я.

— Это из-за воды. Пить нужно много. Так бывает.

Она вскочила. Где-то в темноте загремела металлическая посуда. Скрипнула дверь. Потом ещё раз.

Через минуту Майка стояла передо мной с маленьким бидоном воды в руке.

— Пей. Только холодная.

Пил и ел молча, терпя боль. Колени дрожали всё сильнее, и скрыть это уже не получалось. Майка взяла сложенное вдвое одеяло и накинула мне на плечи. Потом снова устроилась напротив и уставилась на мой гипс.

— Смотрю, друзья у тебя появились?

Глотнул, не дожидаясь. Её вопросы уже воспринимал как дурацкую привычку.

— Где тебя угораздило?

На её лице снова появилась улыбка.

— Мусор выносил, — бросил я, пытаясь прижать бидон между здоровой ладонью и гипсом.

Майка тут же рванулась с места и помогла мне сделать пару глотков.

— Я не думала, что в городе так опасно.

Она смотрела, как я справляюсь с куриной ножкой, потом вытащила полотенце из-под клеёнки с оладьями.

— На, — сказала она и забрала у меня обглоданную кость. — Вытирайся.

Майка швырнула кость в тёмный угол сарая. Там что-то зашуршало. Меня передёрнуло.

— Не бойся. Ты не знал, что дома нет?

— Не знал.

— Его снесли весной.

Она вложила мне в руку оладью, выдавив сверху варенье. Потом отвернулась, скомкала клеёнку и тихо произнесла:

— Ты зря приехал.

— Я думал...

Майка села рядом и легонько толкнула меня плечом.

— Ты разговорчивее был когда-то. Не помнишь? Или придуришься?

Покосился на неё с непониманием. Она нагло прищурилась.

— Зубастик, — сказала она. — Санаторий. Тётя Марта. Анька. Ты говорил днями напролёт.

Что-то во мне отозвалось, но само воспоминание оставалось белым пятном. В груди снова начало чесаться. Пальцы на ногах щёлкнули и сжались. Попытался их разжать, но они будто застыли. Майка придвинулась ближе. А я провёл языком по зубам. Жир и холодная вода казались такими противными, будто растворяли эмаль. Отвернулся, чтобы от меня не разлило едой.

— Я всегда думал, ты ненастоящая.

— Как же ненастоящая? — удивилась она. — Ты совсем за своими железками мир не замечаешь?

— А ты за кубиками, — огрызнулся, облокотившись на стог.

Развернул одеяло и накрылся, пытаясь укутать ноги, но одеяло оказалось коротким. Решил спрятать только голову.

— Ты же видел, что осталось от вашего дома? — донеслось сквозь ткань. — То же самое было с нашим двором.

Ждал, что она продолжит, но Майка молчала. Приподнялся на локте, вылез из-под одеяла и повернул голову. Она смотрела в глиняный пол и тёрла щеку ребром ладони.

— Что было? — спросил я.

— Однажды всю ночь шёл ливень. Я пряталась под кроватью у родителей. А утром вышла — и двора не было. Глина сошла с горы и забрала всё. По самое крыльцо. Остались только столбы в земле. Как кубики.

Она положила мне под голову подушку, а вторую — рядом, перед лицом.

— Руку туда положи.

Пристроил гипс на подушке, расслабил шею и стал ждать её голоса. Послышался шорох. Свет погас.

Рывками набрал воздух, чтобы сказать ей что-нибудь на прощание. Но воздух застрял. Слезы подступили к глазам. Снова почувствовал пульсацию в руке. Заныли ноги. Всё включилось обратно.

И вдруг почувствовал, как Майка ложится за моей спиной и прижимается так близко, что я перестал мёрзнуть. Острые коленки упёрлись в мои ноги. Она подоткнула край одеяла под меня и крепко сжала моё плечо. Слушал её дыхание и старался не дышать. Голова закружилась. И в этой темноте уже не понимал: мы лежим или летим. Её горячие ступни коснулись моих, и ноги наконец расслабились.

— Поплыли со мной, Аля, — тихо прошептала она.

— Куда?

— Вниз по реке. К морю.

— Я плохо плаваю.

— Мы на плоту поплывём.

— Там плотины...

Она сжала моё плечо, надавив пальцами, и сразу отпустила.

— Нет там плотин. Речка узкая. Дальше шире. Острова. Там будем ночевать. Встречать новые реки. И дальше. До конца...

Я слушал, и мы плыли. Слезы всё равно потекли, но мне никогда ещё не было так хорошо. Слушал её голос и впервые видел школу, кружок, отца — всё это издалека. Теперь уже почти неважное. Положил здоровую руку поверх её ладони.

Мы уснули.

Переворот

— Аля!

Я ещё был во сне. Солнечный свет отражался от ламината прямо в лицо. Из окна несло кислым вином и едва заметным кардамоном из местной забегаловки.

— Аля, проснись! — голос доносился из ноутбука.

Сел на край кровати, потирая виски. Похоже, часов девять. Зубы. Кофе.

— Ты проснулся, соня? — голос не унимался. — Давай уже. Ты принимал таблетки?

Провёл пальцами по лицу сверху вниз, оттянул щёки и наконец ответил:

— Ты же знаешь, я работаю. Я не могу соображать с таблетками.

— Доброе утро.

— Доброе Как ты вообще?..

— Автоответ, — перебила она. — Без камеры. Я же не увижу того, чего не должна?

Промолчал, вставая с постели. Подошёл к столу и плюхнулся в кресло, откинувшись на спинку. Приоткрыв один глаз, всмотрелся в экран.

— А ты где?

— Правда, тут красиво? Ну скажи же, Аля!

Майя кружилась вокруг своей оси, держа телефон на вытянутой руке.

Я потянулся, разминая затёкшую шею.

— Да. Очень красиво, — ответил, присматриваясь к интерьеру на экране — то ли небольшой студии, то ли кафе.

Майя остановилась и поднесла камеру так близко к лицу, что я мог бы пересчитать все её веснушки.

— Я знала, что тебе понравится. Как ты любишь.

— Выложишь в сторис?

— Если только ты поставишь лайк, — засмеялась она в ответ. — Не забудь про таблетки...

Связь прервалась. На экране появилось окно: «Оцените качество видео». Нажал на крестик. Настроение и так было гнусное.

Мельком просмотрев папку «Входящие», поплёлся на кухню. Босые ступни прилипали к прохладному полу. Загудела кофемашина. Щёлкнула пружина тостера. За окном, в просвете между домами, можно было разглядеть спокойную гладь Дуная, по которой шёл длинный прогулочный катер. Звякнул трамвай.

Не люблю утро. Утром приходят письма, кто-то может позвонить, нужно решать проблемы, работать. Вечером всё по-другому.

Внизу, во дворе, скрипнули качели и послышался смех. Девочка-подросток, вытянув ноги и запрокинув голову, звонко смеялась на лету. За ней стоял паренёк, держа в вытянутой руке что-то похожее на мороженое. Когда качели летели назад, она пыталась на ходу дотянуться ртом до сладкого. Смешные.

Я поднял левую руку. Раскрыл ладонь перед лицом. Большим пальцем провёл по двум ровным шрамам вдоль указательного и среднего пальцев. Как чужая щекотка.

Тогда, в сарае, я тоже проснулся от похожего чувства. Рука онемела. Холод пробрался под рёбра. Утро рухнуло на меня запахом пыли, прелой соломы и старого дерева. Свет пробивался сквозь щели серыми полосами. Настоящее утро ещё не наступило. Тело болело тупо и ровно, как после драки. Майка была рядом. Она спала, неудобно подвернув под себя руку. Платье сбилось, в спутанных волосах торчали сухие стебли. От ночи осталось только слабое тепло где-то внутри.

Пошевелился, пытаюсь отодвинуть онемевшую ногу. Живот громко заурчал.

— У тебя лягушки в животе, — раздался её хриплый голос.

Майка села, не открывая глаз, и широко зевнула. Посмотрела на меня, стянула с плеча прилипшую соломинку и поморщилась:

— Всё колется. И ты тяжёлый.

Промолчал. Лицо стало горячим. Отвернулся, делая вид, что изучаю сарайный инвентарь. Мне вдруг нестерпимо захотелось, чтобы она просто ушла. И тут живот скрутило. Резко, спазмом. Стиснул зубы и подтянул колени к груди, пытаюсь перетерпеть. Майка перестала вытряхивать сено из волос.

— Тебе плохо?

— Нет.

— В туалет хочешь?

— Нет.

— Пойдём.

Я ненавижу её в эту секунду. За то, что она всё поняла.

Она провела за сарай, босиком по холодной росе. Деревянная будка в конце огорода. Грубые, разошедшиеся доски. Я сделал глубокий вдох и плотно сжал губы. Закрылся изнутри на кривую щеколду. В углу жужжала огромная зелёная муха, застрявшая в толстой паутине. Долго возился одной рукой; гипс мешал, и каждое движение казалось неуклюжим и громким. Я знал, что она стоит где-то там, снаружи. Ждёт. Вышел, сделал громкий выдох, словно вынырнул из воды. Майка даже не посмотрела на меня.

— Давай к бочке. Умоешься.

Ржавая бочка стояла под водостоком у стены дома. По краю зеленел налёт, на поверхности плавали почерневшие листья. Майка зачерпнула воду жестяным ковшиком. Умылась первой: быстро, шумно, фыркая, как собака. Сплюнула воду прямо под ноги и утёрла лицо подолом платья. Я подошёл следом. Пытался умыться аккуратно, кончиками пальцев здоровой руки, стараясь не касаться ржавчины.

И тут почувствовал лёгкий зуд. А потом отчётливое, цепкое копошение прямо под гипсом. У основания большого пальца. Я застыл. Дыхание перехватило. Что-то живое лезло в мою рану. Под бинты. Под кожу.

— Чего ты? — Майка обернулась.

— Там что-то есть, — выдохнул, глядя на белую корку расширенными глазами.

— Где?

— В руке!

Она шагнула ко мне и перехватила моё запястье. Я дёрнулся, пытаюсь стряхнуть гипс.

— Не дёргай. Хуже будет. Стой тихо.

Из-под разломаченного края бинтов, перебирая лапками, выползло что-то маленькое, тёмно-коричневое, с мерзкими щипцами на хвосте. Потемнело в глазах. Я замычал, стуча ногой по земле.

— Это уховёртка, — спокойно сказала Майка, удерживая мою руку.

— Она кусается? Вытащи её!

— Она глупая. Не кусается.

— Она во мне!

— В гипсе, — жёстко отрезала Майка, глядя мне прямо в глаза. — Не в тебе.

Она сначала попыталась поддеть тварь щепкой, но я так дёрнул рукой, что едва не ударил её по лицу.

— Всё, — сказала Майка. — Тогда водой.

Затряс головой, когда Майка потянула мою руку к бочке. Мы опустили в воду только разломаченный край бинтов у большого пальца.

— Не всю руку, дубина.

Холодная вода просочилась между кожей и тканью. Уховёртка показалась из-под края и вылезла наружу. Майка равнодушно смахнула её щепкой. Меня трясло. Мне было до одури стыдно, что чуть не потерял сознание из-за букашки. Майка потрогала размокший в воде край бинтов. Нахмурилась. Осмотрела жирное пятно от курицы, расплывшиеся рисунки и надписи:

— Всё. Размок.

— Высохнет.

— Не высохнет как надо. Его поведёт, — она отпустила мою руку. — Твоя рука не кубик. Домой надо.

— Я не пойду.

— Пойдёшь, — скомандовала она.

Развернулся и пошёл прочь вдоль огорода. Больше всего хотел, чтобы прямо сейчас опять наступила ночь. Майка поплелась за мной. Влажная трава хлестала по щиколоткам. Мы шли мимо низких заборов, грядок и натянутых ниток. Где-то закукарекал петух, потянуло утренним дымом. Я едва переставлял ноги. Голова была тяжёлой, живот сводило от пустоты.

— Ты куда собрался?

— Я не хочу, чтобы ты на меня смотрела, — на секунду остановился и посмотрел на неё.

— Почему?

Майка остановилась. А я боялся и отойти от неё далеко, и того, что она сейчас развернётся домой.

— Потому что я всё порчу. Понятно?

Она подошла ближе, поправила прядь за ухом. Вытащила соломинку из волос и швырнула в меня.

— Ты говоришь как взрослые. Боишься всего.

— Откуда тебе знать?

Майка отошла вглубь луга и присела на корточки спиной ко мне.

— Знаю.

Она нагнулась, собирая что-то в траве, и из-под платья показались её колени.

— Ты мне рассказывал. В санатории.

В голове снова всплыло белое пятно. Попытался понять, зачем она всё придумывает, но в уме бился только счёт.

— Ты всё врешь. Ты не могла быть там.

— А вот и была. Твой папа путёвки всем доставал. А вы раньше уехали.

— Ты что делаешь?

— Жду, пока ты перестанешь быть столбом.

Молча смотрел, как она возится с чем-то в этом влажном лугу. Затем она встала и подошла ко мне, неся в руке тонкий венок, сплетённый из цветов и травы. Как-то очень аккуратно надела мне на голову и едва заметно улыбнулась:

— Ты называл меня Фея. И что меня твоя мама прислала.

Снял цветы с головы. Майка строго посмотрела на меня.

— Там жуки, — тихо сказал, не поднимая глаз.

— Пойдём, — схватив меня за запястье, она потянула меня к дому. — Не бойся.

Мы вышли из-за угла и упёрлись прямо в дядю Витю. Он выходил из сарая. В руках у него были наши ночные одеяла и подушки.

Всё уже случилось. Меня нашли. Отец был здесь.

Дядя Витя остановился. Посмотрел на нас. Долго смотрел на мой грязный, размокший гипс. На цветы в моей руке. Потом перевёл взгляд на Майку.

— Нашлись.

Майка промолчала.

— Одеяла потом вытряхнешь, — сказал он ей ровным голосом.

— Вытряхну.

А я не мог смотреть ни на него, ни на Майку — только на наши одеяла в руках взрослого. Вышли во двор дома. У калитки стояла машина моего отца. Дверца со стороны пассажира была широко открыта. Из багажника выглядывало колесо моего велосипеда, а ручка крышки была примотана красной лентой к фаркопу. Отец стоял рядом. Бледный, с тёмными провалами под глазами. Он не кричал. Не ругался. Он просто смотрел на меня.

— Садись.

Я сделал полшага назад.

— Не вздумай, — тихо, но угрожающе предупредила Майка за спиной.

Посмотрел на отца. На машину. В ушах раздался гул. Зажмурился. Ничего не исчезло. Сердце било так сильно, что каждый удар отдавал болью в переносицу. Но на этот раз не смог открыть глаза. Тело перестало слушаться.

— Аля? — голос Майки пробился сквозь пульс.

Я молчал. Не мог пошевелиться. Послышались приближающиеся тяжёлые шаги.

— Не надо, — снова прозвучал её голос. — Я сама.

Почувствовал, как она встала вплотную ко мне. Её ладонь легла мне между лопаток. Она взяла венки за другой край. Он натянулся в моей руке. Майка тянула за него, а я, боясь, что он порвётся, сделал слепой шаг.

— Не считай.

Сделал ещё шаг, ориентируясь только на натяжение венка и её голос.

— Не открывай, если не можешь. Ещё шаг.

Все молчали.

— Дверь. Садись.

Нащупал сиденье и опустился на холодную кожу. Только тогда открыл глаза, сидя в машине. Майка стояла у открытой двери. Босая, с прилипшей соломинкой на локте.

— Всё, — сказала она и отпустила цветы.

Отец молча довёл дверь до щелчка. Машина мягко тронулась с места. Я смотрел в зеркало заднего вида. Майка стояла на обочине и смотрела нам вслед, нервно сжимая в руке край своего платья. И только потом смог сделать глубокий вдох.

Изгиб четвёртый

Пронзительно запищала микроволновка. Я отошёл от окна и опустился на стул. Тосты, должно быть, уже стали резиновыми. Сколько же я простоял?

Майя права — лекарства.

В нише стены, над ровным рядом орхидей, погасла фитолампа. Внизу заметил опавший лепесток. У основания горшка мигал зелёный индикатор. В грунте торчал голый, длинный стебель. И эта тоже всё. Я поднялся, забрал горшок с мёртвым растением и поправил ряд. Одна орхидея потемнела — теперь она больше синяя, чем фиолетовая. Поменял горшки местами. От синих к красным. Скидочные никогда не выживают. Их просто продают чуть раньше смерти.

Только нагнулся к мусорному ведру, как на ноутбуке раздался входящий вызов. Пошёл в комнату, на ходу бросая команду:

— Ответить. Вывести на телевизор.

На чёрном экране телевизора всплыл значок соединения. Потом появилась Майя. Она потягивала коктейль через трубочку, второй рукой удерживая телефон перед собой. Изображение вздрагивало в такт музыке на заднем плане. Я присел на край стула.

— Тебе нравится, Аля?

— Очень, — ответил, зажав ладони между коленями. — Ты замёрзла?

— Почему ты спрашиваешь?

— У тебя голос сиплый... Будто ты замёрзла.

Она поднесла телефон ближе.

— Ты поел?

— Я не успел.

— Ты опять считал?

— Мне нужно работать, — пробормотал, потирая ладонью бровь.

Майя втянула напиток, смешно сжимая губы. Улыбнулась.

— Мы давно не гуляли вместе, мне...

— У меня остался месяц. Я собираю библиотеки, — перебил я.

Появились помехи, голос запрыгал, как льдинки по металлу. Изображение зависло. Свет от экрана начал давить на глаза. Прикрыл их.

— Лю ты си, — пробился её голос.

— И я тебя... си, — тихо ответил.

— И, кстати, ты не лайкнул моё видео. Я жду твоё сердечко...

Связь оборвалась. Мне не хотелось шевелиться. Выпью йогурт — и в душ. Нужно как-то настроиться на работу.

Йогурт оказался кислым и холодным. Допил его прямо у раковины и пошёл в душ.

Чёртов коврик для ног в ванне опять скользит. На плитке — мыльная косметическая плёнка. Длинные волосы в стоке. Полки, забитые тубиками и флаконами. Колготки, небрежно брошенные на приоткрытую дверцу стиральной машины. Живот скрутило, и к горлу подступила горькая желчь. Повернул кран, сделав напор сильнее и горячее. Плечи обдало болью, и я потянулся за жёсткой мочалкой.

Тогда мы не поехали в Венгрию. Отец сперва говорил, что контракт просто отложили. Потом перестал говорить о контракте совсем.

Сам я не замечал в себе никаких изменений. Просто исчезал на несколько секунд, а потом все почему-то были злыми или испуганными. Когда задумывался о чём-то, папа легко касался моего плеча, и я вздрагивал, словно от удара. В школе я вроде бы сидел за партой, но в какой-то момент вдруг слышался далёкий голос учителя:

— А-а-лекс!

Я не падал. Не бился. Не кричал. Просто пропускал кусок времени, как пропускают рекламу по телевизору.

Врач в поликлинике стучал мне молоточком по коленке, проводил холодной железкой по стопе и недовольно кривил губы:

— Не вижу патологий.

Конечно, не видишь. Как можно увидеть то, чего нет? Но они искали. Мне надевали на голову шапку с проводами. Я даже оставался в этой шапке в больнице и всю ночь слушал, как шуршит аппарат. Женщина с резкими духами улыбалась одними губами и заставляла меня рисовать часы, расставлять фигуры, играть пальцами в дурацкие игры.

Мне назначили лекарства. Самые маленькие были самыми дорогими. Горько становилось ещё до того, как таблетка оказывалась во рту. По этой горечи можно было физически ощутить, как она спускается в живот. Потом в голове было как оркестр в театре перед спектаклем: все что-то играют, но ничего не складывается.

Дома собирал компьютер и, пока искал недостающие детали, исписывал толстые тетради программным кодом. Знал его на память, пытаюсь запускать в голове функции, переменные, адреса. Если представить результат в виде фигуры, а не числа, запоминалось легче. Я ведь помнил дома в районе, трещины на асфальте по пути к магазину, швы между плиткой в ванной.

Если строка не работала, её можно было найти. Ошибка где-то была. Всегда.

С людьми так не получалось.

Когда собрал компьютер, перестал паять, разбирать детали и старую радиотехнику. Ток теперь не шёл по проводам — он тёк, как вода. Здесь был исток. Здесь — плотина. Здесь поток расширялся, а здесь сужался.

Всё превращалось в простой код. Так было легче и понятнее: ток течёт, и им можно управлять. Его можно представить так, будто ты сам плывёшь по нему мимо берегов, островов и узких протоков. Всё чаще задерживался дома у компьютера. А когда компьютера не было, считал в голове. Даже когда начинало внутри шуметь.

Врач объяснил это просто: короткое замыкание.

Сидел в неудобном кресле, круглые пуговицы на обивке давили в лопатки. Отец стоял сзади, касаясь моих плеч.

— Когда ты нервничаешь или вокруг слишком много шума и света, нервная система перегружается, — продолжил врач. — Возникает разряд. Отсюда парциальный приступ. Поэтому ты и отключаешься.

Он подался ближе, положив ногу на ногу.

— Это как включить все приборы в квартире. Нагрузка — и выбило пробки.

— Я теперь буду падать и дёргаться с пеной изо рта? — спросил я, обхватывая локти.

— Нет, Алекс. Но нужно следить за лекарствами. Это физиологическая реакция, ты тут ни при чём.

Врач посмотрел на отца, кивнул ему, а тот сильнее сжал мне плечи.

— Соблюдать режим сна. Не ходить на дискотеки со светомузыкой. Не конфликтовать ни с кем. Есть проблемы — решать с отцом.

Он скосил взгляд на ещё синюшные пальцы левой руки.

— С этим можно жить, — закончил врач.

После этого папа успокоился и снова начал уезжать в командировки. По выходным мы выбирались в город вместе, в парк или приезжий цирк. Молча ели мороженое. И так же молча возвращались на машине домой.

Всё чаще стал оставаться у тёти Марты. Анька уже училась в институте. Вечерами тётя Марта сидела напротив меня и вязала, а я, вполуха слушая телевизор, исписывал бумагу. Со временем тетрадей становилось всё больше. Дискета могла размагнититься, диск — поцара-

паться, компьютер — сломаться. А бумага оставалась. Бумага хранила всё, что было аккуратно записано.

По утрам просил тётю Марту приготовить мне оладьи. Укладывал их в лоток, а в школе ел, стоя у подоконника и глядя в окно. Вечером тайком набирал в резиновую грелку тёплой воды и нёс её в комнату, стараясь, чтобы никто не заметил. Когда ложился спать, подкладывал подушку к стене, а грелку укладывал за спиной. Всегда до дрожи боялся, что меня застанут в постели с этой грелкой.

Однажды спросил тётю Марту. Она, как всегда, сидела напротив и вязала. Спицы цокали в её пальцах, губы едва шевелились: она считала петли.

— Тётя Марта, а вы знаете дядю Витю?

— Восемь на шесть Тю, Алекс. Сбилась из-за тебя. Какого ещё дядю Витю?

— Ну, того. Из деревни. Там, где дом был.

— Конечно, знаю, — ответила она.

— А мы ездили в санаторий?

Тётя Марта повернулась ко мне, взяла чашку с чаем, отпила. Потом отложила вязание и посмотрела уже внимательнее.

— Конечно, помню, Алекс. Они ведь были с нами. Он и ещё его дочка. Майка.

Я опустил голову. Значит, были.

Она задумчиво посидела, уставившись в ковёр. Потом, махнув головой, спросила:

— Почему ты спрашиваешь?

— Так... Просто спросил.

— Теперь заново переделывать надо, — вздохнула тётя Марта и стала распускать ряд со спицы.

— Стойте. Не распускайте, — быстро выпалил я. — У вас там на булавке восемь петель. А перед ними шесть на шесть. Вы просто перебросьте с булавки и добавьте две петли. Тогда у вас косичка выйдет правильно.

Тётя Марта замерла и удивлённо посмотрела на меня.

— А знаете, что ещё? — добавил я. — Если вы будете добавлять петлю с булавки в ряду, а потом провязывать две в одну, получится объёмная косичка. Так будет красивее.

В коридоре послышался шорох. Анька стояла у порога. Она застыла на одной ноге, так и не надев второй ботинок, и смотрела на меня.

— Откуда ты знаешь, Алекс?

— Не знаю. Просто вижу. Там всё просто.

Стало неловко. Может, потому, что дело касалось вязания. Встал и быстро направился в коридор, мимо кухни.

— Что случилось?

— Там велик. Я возле подъезда оставил, — пробормотал, выходя из квартиры.

На велосипеде больше не гонял с пацанами. Теперь ездил далеко — мне нравилось, как меняется пейзаж. В голове поделил город на страны. За туннелем, у большого завода, была Англия. Туда нужно было ехать через Ла-Манш. Телевышка — Париж. Дальние районы у реки были Африкой. Ездил спокойно, как дальнбойщик. Перевозил невидимые грузы из страны в страну.

Но была одна точка, куда рейсов не было. Ушуайя. Дальше дорог нет. Мне казалось, это самый последний пункт, куда можно приехать — деревня.

Сдвиг

Завибрировал телефон. Посмотрел на экран: Майя. Она звонила уже третий раз. Настойчиво, почти сердито. Принял вызов, не отрываясь от кода.

— Сейчас не могу. Занят.

— Алекс, почему ты не отвечаешь? Я отправила тебе файлы. Ты посмотрел?

— Нет, — ответил я. — Мне правда сейчас некогда.

— Это важно.

Выдохнул, свернул рабочие окна и перевёл вызов на экран. Во входящих лежали файл и несколько скриншотов переписки. Какая-то девушка пыталась выйти на связь с Майкой: писала в личные сообщения, дублировала в комментариях, оставляла одно и то же под разными постами. Открыл админку. Плюс девять тысяч подписчиков.

— Вау, — сказал я. — Такой прирост. Люди платят деньги за такие цифры, а тебе это приходит само. Разве это проблема?

— Не само, Алекс, — ответила Майя. — Это твоя работа. Но проблема не в подписчиках.

Увеличил один из скриншотов. Девушка писала неровно, с ошибками, будто торопилась. Сначала просила ответить. Потом требовала. Потом писала, что всё понимает. Что видела знаки. Что если Майка не может сказать прямо, пусть просто повторит тот жест. Ниже было ещё одно сообщение:

«Я знаю, что тебе нужна помощь».

Живот неприятно стянуло. Свет от монитора стал резким, белым.

— Что она может знать?

Майя не ответила сразу. На экране моргнуло её окно. Потом рядом с перепиской появился увеличенный кадр из одного короткого видео: рука у лица, большой палец прижат к ладони, четыре пальца слегка двигаются, будто обычное «пока».

— Она думает, что это был сигнал, — сказала Майя.

— Это не был сигнал.

— Я знаю.

— Тогда заблокируй её.

— Она пишет с новых аккаунтов. И не только мне.

Снова посмотрел на цифру прироста. Девять тысяч. Она уже не казалась красивой.

— Что значит «не только тебе»?

— Она пишет людям, которые комментируют мои видео. Просит распространять. Пишет, что меня нужно найти.

Молча свернул админку. На экране остались только скриншоты и её голос.

— Алекс, — сказала она тише. — Ты должен с ней встретиться.

Я поднял глаза.

— Что?

— Не здесь. Я могу найти подходящее место. Людное. Безопасное.

— Почему я?

— Потому что она ищет меня.

Я молчал.

— А меня нет, — добавила Майя.

Свернул окно вызова.

В кафе было людно. У соседнего столика молодая сотрудница раскладывала детский стульчик слишком старательно. Каждый раз, поднимая голову, она улыбалась — не мне, а в пространство, как учили. Раздался сухой шелчок. Стульчик зафиксировался. Девушка, при-

храмывая, пошла обратно, по дороге нагибаясь то за оброненной салфеткой, то за фольгой от крышки соуса, которые разбросали посетители. Проводил её взглядом, пытаясь понять, почему её так ведёт на одну ногу.

Напротив скрипнул по плитке стул. Резко повернул голову. Передо мной стояла девушка. Пиджак она небрежно бросила на спинку стула, будто уже решила, что имеет право сидеть здесь сколько захочет. На подбородке блеснул жирный след. Стрелки на глазах уходили далеко к вискам, слишком острые. Она положила на стол телефон и вейп в потёртом корпусе.

— Алекс, как я понимаю?

Голос у неё был низкий, глухой, будто из бочки. Я выпрямился.

— А ты кто такая?

Она не ответила. Долго шарила в сумке, достала планшет, расцехлила его и несколько раз ткнула пальцем в экран.

— Мне, вообще-то, не ты нужен. Но так даже лучше.

Она развернула планшет ко мне.

Видео. Съёмка на телефон. Кадр дрожал. Улица. Поздний вечер. Редкие прохожие, фары, мокрый блеск асфальта. На другой стороне улицы шла Майя: длинные широкие штаны, короткая дутая белая куртка, нелепая шапка, из-под которой выбивались волосы. Шла, опустив голову. Потом свернула в арку двора. Звякнула решётка. Кадр ещё какое-то время держался на фасаде дома.

Через полминуты на третьем этаже зажёгся свет. Свет в моей квартире. Она подошла к окну — и исчезла, зашторивая его.

Закрыв глаза.

— Прикольно? — спросила девушка. — Я тебе скинула видео.

Она криво улыбнулась и забрала планшет.

— Мне, если честно, пофиг. Я видела её на качелях неделю назад.

Девушка оглянулась по сторонам и наклонилась ближе:

— Кто ты вообще? Староват для неё.

— Чего ты хочешь? — спросил я, стараясь не повысить голос.

— А ты догадайся.

— Я могу обратиться в полицию.

Она усмехнулась.

— Ты лучше мозгами пошевели. У меня адрес. А девчонка, похоже, взаперти сидит.

Знаки подаёт.

— Какие знаки?

— Не делай вид, что не понял.

Она подвинулась ближе. От неё пахло сладкой жидкостью для вейпа и старой косметикой.

— И акцент у тебя интересный. Может, тебя тоже стоит проверить?

Я сжал край стола. В голове вдруг стало холодно и ясно: она чего-то хочет. Денег. Конечно. Значит, это можно закрыть. Просто закрыть и больше никогда её не видеть.

— Ладно, — сказал я. — Сколько?

Она откинулась на спинку стула. Под столом больно ударила меня носком ботинка по голени.

— Ах ты козёл. Она хоть совершеннолетняя?

Я молчал.

В этот момент подошла сотрудница с тремя большими коробками. Та, что прихрамывала.

— Ваш заказ. С собой. Приятного аппетита.

Девушка напротив сразу улыбнулась ей другой улыбкой.

— Спасибо.

Потом кивнула на меня:

— Он оплатит.

Сотрудница посмотрела на меня. Я достал карту.

Пока терминал пищал, девушка вырвала из блокнота клочок бумаги, быстро написала номер и протянула мне.

— Кинешь сюда.

Посмотрел на цифры.

— Какие гарантии?

Она поджала губы. Посмотрела на меня почти с жалостью, но брезгливо.

— По совести переведёшь. Если не хотите гостей под дверью.

Она взяла коробки, телефон, вейп, закинула пиджак на руку и пошла к выходу. Смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом.

Открыл видео ещё раз. Третий этаж. Свет. Окно. Штора. Она знала не просто дом. Она знала, куда смотреть. Хотел удалить переписку, но палец завис над экраном. Если удалить, она всё равно останется там. У неё. У тех, кому она уже отправила.

— Дрянь, — сказал я тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.